

Юрий Михайлик

«ЭТО ЖИЗНЬ ТВОЯ ВДОГОНКУ ПЛЫВЕТ»

* * *

Все уляжется. И улеглось.
Все уляжется – вот и слежалось.
Там и острая юная злость,
и последняя нежная жалость.
Из безвременья, издалека –
отделяя порядок разгромом,
по оврагам считая века
и эпохи по горным разломам.

Угадай, ощути, улови
недоступную глазу границу.
Может, только строка о любви
в этих толщах могла сохраниться.
Стратиграфия новых времен –
легкой дымкой по краю вулкана.
«Ты сказала – и этот влюблен».
И опять раскололась Гондвана.

Из глубин, в обезумевшей мгле,
в восходящем бесчинстве азарта
потекли по горячей земле
раскаленные строки базальта.
Над неспешной, над тусклой Невой
угляди шутовским телескопом,

где схлестнутся пожар мировой
с регулярным вселенским потопом.

И уже не на нашем веку –
при глубинном турбинном буренье
вдруг сломается бур о строку
неизвестного стихотворенья...
Нежный гений, колдун, драматург
красной клюквой облитого войска,
все быстрее, все бешеней круг.
Все уляжется. Ты успокойся.

* * *

Выше горной ограды, выше крашенных облаков
движутся длинные гряды не прочтенных еще стихов,
еще не уложенных в школы, не премированных нигде,
на молоке – глаголы, прилагательные – на воде,
их теченья полны свеченья, и значенья их неважны,
их таинственное назначение упрятано в глубь волны,
не пенной, нет, не мгновенной, не поглаживающей острова,
а той, что обходит Вселенную, покуда она жива.
Удаленное бормотание, обломки света и тьмы...
А время и расстояние – потом придумали мы.
Высоко слоистое чудо, животворное, как вода.
Спроси у него – откуда, зачем оно и куда?
Нейтринные излучения, пролетающие насквозь,
звучания и значения, возникающие вдруг и врозь,
лучик, прямой и узенький, входит в тебя, как игла,
и снова – музыка, музыка, выжигающая дотла.
Стихи всегда опадают черт знает с какой дали,
не зная, что их ожидает в кузнечных огнях земли.
Стихи еще бредят, брезжат в шуршащих крыльях веков.
А плохих в небесах не держат. Там не любят плохих стихов.

* * *

Над камнем, унылым и голым,
как орден забвенья – репей.
Куда подевались монголы,
властители этих степей?
От Венгрии вплоть до Китая
лежала, грозна и горда,
где Синяя, где Золотая,
где – красок не хватит – Орда.
Топтала, гнала, убивала,
пожаром и кровью слепя,
и вот ее как не бывало –
сама провалилась в себя.
Империю злобы и страха
и в прошлых, и в нынешних днях
кончаются крахом и прахом,
репьями на голых камнях.
Историки будущей школы
обсудят в усердьи крутом –
куда подевались монголы
и те, что возникли потом.
И вспомнят – уже не по теме –
болота, где, живо едва,
нешумное малое племя
все вяжет свои кружева.

* * *

В провинциальной галактике под названием Млечный Путь,
В ее захолустьном, пустом, оторванном рукаве
Есть планета, имя которой вспомни и сразу забудь,
Но зато тут можно бегать босиком по траве.
К моменту Большого Взрыва она опоздала зря,
Но все же успела возникнуть, пускай в последнюю треть.

Кроме нас тут живут озера и большие моря,
Достаточно, чтобы плавать и радоваться
или радоваться и смотреть.
Конечно, нас увлекают морские и игральные карты,
Но любая дорога к успеху опасна и далека.
А лучше всего на этой планете ее закаты –
Не закаты цивилизаций, а просто вечерние облака.
Так что обжились, попривыкли – от полочки и до полочки,
Тишина, бездорожье, безлюдье – даже на Луне ни души.
Быть может, в других галактиках было бы нам получше,
Вот они и восходят над нами по ночам в этой глуши.

* * *

Погляди в свой сон – там твой друг поет под гитарку
за тесным столом,
как уходит в туман торговый флот. По дешевке, в металлолом.

А в соседнем сне – чужие места, старый мост, с которого ты
видишь длинную гавань – она пуста, и глаза темны и пусты.

И в предутреннем сне, где несет норд-вест
сладковатый запах беды,
за столом слишком много свободных мест,
и в морях пропали следы.

Да и в небе, забывшем ушедший флот, там не гуси летят углом,
это жизнь твоя вдогонку плывет – по дешевке, в металлолом.

